

Сомнительное успокоение

- Ну вот и всё! – сообщила самой себе Мила, закрыв дверь за мужем. Уже бывшим. Нет, формально он пока муж, но совсем скоро перестанет быть таковым.

Особа чрезвычайно привлекательной наружности привстала на цыпочки, раскинула руки, словно собралась взлететь сию минуту, широко улыбнулась и повторилась:

- Вот и всё, свершилось - он меня услышал и ушел, надеюсь, не вернется.... До чего же хорошо!

Милка потянулась до хруста в суставах и, не уставая светиться от счастья, потянулась на кухню. На кухне, по установленному супругом порядку, царила идеальная чистота. Первым делом она достала из холодильника колбасу, сыр, сливочное масло, соорудила себе два гигантских бутерброда, с удовольствием слопала, не забывая показательно сорить крошками на стол и на пол. После чего налила себе чаю, удовлетворенно заметив исчезновение любимой кружки Бориса. Ее муж с трудом расставался с устоявшимися привычками, чаепитие из любимой кружки было из их числа.

Разгуливая по квартире, Мила выпила чай, вернулась в кухню, свалила грязную посуду в мойку, умилилась небольшой разрухе и удалилась в спальню. Открыла шкаф, как в замедленной съемке вывалила вещи на пол, завалила собственными вещами кровать, в очередной раз полюбовалась собственной выходкой, после чего не нашла ничего лучше, как поддеть ногой одну из вещей, красочно уложенную на полу, и подбросить в воздух. За первой вещью последовала другая. «Футболистка» заметила следующее: в зависимости от веса одежда падает медленнее или быстрее. Особенно Милке понравилось падение блузы из натурального шелка: блуза планировала вниз плавно и красиво.

Устав от наблюдений и выводов, почти разведенка сбросила одежду с кровати и заняла спальное место. Легка по диагонали, в форме звезды. Не удержалась от уточнения:

- Хорошо-то как! Никто тебя не донимает вопросами: Милочка, с тобой всё в порядке? Ты не приболела? Хочешь, я сделаю тебе чаю с мятой? Или кофе? Может быть, тебе сварить каши? Хочешь, милая-любимая-самая лучшая, а?..

У меня от его заботы в последнее время начало зубы сводить. Прямо не муж, а оскомины после употребления полкило мандаринов.

Милка давно знала Бориса, он приходился дальним родственником ее отчиму, и был на десять лет старше. Когда ему было двадцать, а Милке, соответственно – десять, мать Бориса затронула болезненную для нее тему: почему сын не обращает внимание на девушек? Борис с улыбкой сообщил: ждет, когда подрастет Мила. Естественно мать сочла ответ шуткой, и, естественно, не успокоилась. Даже занялась слезкой за сыном-студентом, желая узнать правду, пусть и горькую, чтобы вовремя сориентироваться и пресечь.

В порочащих связях сын Борис замечен не был, о чем немного успокоенная мать сообщила матери Милы, ставшей ее близкой подругой после женитьбы дальнего родственника, с которым всегда поддерживала теплые отношения.

Незаметно пролетело десять лет, личная жизнь Бориса не претерпела изменений. Чего не скажешь о личной жизни Милы, успевшей в восемнадцать лет выскочить замуж и через полгода развестись. Милка несколько не сожалела о своей ошибке, говорила, что приобрела какой-никакой опыт в семейной жизни, сделала соответствующие выводы и теперь...

После законного, пусть и неудачного брака, вдруг случилась «любовь до гроба», оказавшаяся совсем недолгой, но мучительной. Расставание повлияло на душевное состояние Милы, но... рядом вовремя оказался заботливый Борис, который признался: любит ее всю свою сознательную жизнь. Милка пригляделась к молодому мужчине весьма недурной наружности, без вредных привычек, заботливому, понимающему не то что с полуслова – с полувзгляда и подумала: почему бы и нет. Но взяла три месяца на раздумье.

В итоге пара поженилась на радость близких родственников.

Борис Милку обожал. Пылинки сдувал. Заботился, ухаживал, оберегал. Со временем Милку начала тяготить его забота, его преданная любовь. Честно говоря, она тоже к нему приросла душой, появились ростки любви, но ни разу даже не намекнула на свое робкое чувство, посчитав, что после признания его преданность превзойдет в сто крат, Милка этого не перенесет, а росток зачахнет от чрезмерной заботы. Она пыталась охладить пыл Бориса, пыталась ему втолковать, но он всегда отвечал, что ему приятно доставлять ей маленькие радости. Мила внутренне закипала, но, видя перед собой добрые глаза влюбленного мужчины, не решалась вздорно высказаться.

Борис заговаривал о детях, Милка отмалчивалась. Она была уверена – долго в этом браке не протянет.

Так и вышло.

Когда впервые предложила Борису расстаться, он принял это за шутку и предложил ей поехать в отпуск в теплую страну, дескать, ее нервозность от усталости, вот отдохнут и всё пойдет своим чередом.

Не тут-то было. У Милки вошло в привычку взывать и указывать на дверь. Борис не желал ее не слушать. Он укладывал жену в кровать, укрывал пледом и убегал на кухню готовить ужин.

Еще какое-то время – Мила потерялась во времени – она продолжала требовать, он - не реагировать.

Однажды она усадила мужа за стол и попыталась спокойно разъяснить свою позицию – больше не может с ним жить под одной крышей! Повторила три раза, на третий раз до него дошло.

- Хорошо, я уйду, - кивнул Борис. – Ради твоего душевного спокойствия я это сделаю. Но знай, я по-прежнему тебя люблю.

Свершилось! Борис собрал вещи и ушел. И теперь Милка наслаждается своим беззаботным одиночеством.

Незаметно уснула, свернувшись клубочком и забросав себя вещами.

Когда проснулась, солнце успело скрыться за ближайšie дома. Из открытого окна лилась знакомая мелодия. Лирическая и душещипательная. Милка перевернулась на спину и с чувством потянулась. Губы не желали растягиваться в улыбке. Неожиданно из глаз выкатились слезы и устремились к вискам, потом проникли в уши. Мигом разболелась голова, как будто имелась некая необъяснимая связь.

- Говорила мне мама: нельзя спать на закате, - пробубнила Мила, усаживаясь на кровати. Об истинной причине слез и головной боли она думать отказывалась.

Окинула непонимающим взглядом бедлам. Как-то быстро забылось, что ей осточертела стерильная чистота, к которой она успела привыкнуть, сродниться с ней. Поэтому, невзирая на головную боль, принялась возвращать одежду на положенные ей места, показательно отводя взгляд от полки мужа, в данный момент совершенно пустой. Покончив с уборкой, все же не

сдержалась, привстала на цыпочках, желая убедиться – на пустой полке (занять ее не решилась) не осталось ни одной вещи Бориса. В дальнем углу сиротливо лежал мужской носовой платок. Милка зверски закусил губы – якобы от возмущения, и закрыла дверцу шкафа-купе. После чего потопала в кухню, чтобы и там навести порядок. Теперь ей придется самой содержать дом в чистоте. Самой готовить себе завтрак, самой варить обед, что-то придумывать на ужин, легкое и незатейливое. Она всё будет делать сама. Ей несложно. Даже приятно.

Пройдет время, она восстановит силы, появится желание для новых отношений – с ее внешностью не проблема встретить мужчину.

Милка попыталась представить другого мужчину в недрах этой квартиры и ей это удалось, но совершенно не понравилось. Уж точно она будет раздражаться его безалаберностью, привычной для всех мужчин. Не считая Бориса.

Борис... он особенный. Он свой. Он привычный... Он... хороший человек. Он терпеливый.

Милка ринулась в спальню, дотянулась до забытого носового платка, приложила платок к лицу, вдохнула запах. Платок пах кондиционером для белья и... немного Борисом. Из глаз выкатилась одинокая слеза и тормознулась на платке.

Мила бережно развернула носовой платок, взялась за края пальчиками и покачала – как бы посушила. Потом так же бережно свернула, легла на кровать, подложив под щеку пресловутый платок. Слезы потекли ручьем.

Какая же я дура, - влезла ей в голову умная мысль, - такого мужика потеряла. Нет, он не вернется, любому терпению рано или поздно приходит конец... Но если бы Боря вернулся, к примеру, наша жизнь бы точно изменилась: я слезла бы с его шеи, я бы заботилась о нем, я родила бы ребенка. Девочку. Или мальчика. Лучше сразу двойню... Я каждый день говорила бы Борьке: я тебя люблю. Я тебя очень люблю... Эх, если бы все можно было вернуть назад.

Слезы вдруг высохли.

А почему нельзя хотя бы попытаться?! Нельзя всё вернуть назад, если кто-то покинул нашу грешную землю, мы с Борисом живы, мы любим друг друга.

Милка долго не могла найти свой смартфон. А когда нашла, удивилась – нет ни одного пропущенного звонка от Бори. Из чего следует: звонить не нужно. У него всё перегорело. Он не простит. Он не станет слушать.

Ноги сами двинулись в прихожую. Руки сами открыли замок на входной двери. Глаза увидели выходящего из лифта мужчину.

- Ты... вернулся? – еле слышно пролепетала Мила.

- Я кое-что забыл.

- Ты забыл свой носовой платок. – Она выставила вперед руку. На ладони лежал скомканный платок ее мужа. Муж не обратил на платок никакого внимания. Он внимательно изучал лицо жены.

- Ты плакала? – с легким равнодушием спросил он, не так как обычно.

- Я плакала, - призналась она и добавила, - потому что я дура. Нет, я не то говорю. Я плакала, потому что ты ушел. А я дура, потому что заставила тебя уйти.

Он опустил глаза. Видимо, ему было неприятно видеть ее опухшее от слез лицо. Он любил красивую Милу, некрасивую он не любит. А красивой она была при жизни рядом с ним, когда была беззаботна и счастлива. А ведь действительно, за все годы их совместной жизни она не проронила ни слезинки.

- Борь, я... - начала Мила и спохватилась, - Борь, ты заходи – я же не могу возвращать тебе платок через порог...

Он переступил порог, она быстро закрыла дверь на все имеющиеся замки, только потом взглянула на него снизу в верх. Сделала полшажочка и уперлась лбом ему в грудь. Чтобы не разреветься, принялась грызть зубами пресловутый платок.

Борис выжидал. Затем не выдержал и положил руки ей на плечи. Прошло еще какое-то время. По расчетам Милки не меньше месяца, на самом деле не больше минуты. Она не могла решиться. Потому что никогда не произносила эти важные слова. Если только маме. Но мама – это совсем другое дело.

- Борь, - начала она и шмыгнула носом. При этом подумала: сейчас он обеспокоится – ты не простудилась? Но Борис молчал. – Борь, я давно хотела тебе кое-что сказать... Понимаешь, я хочу тебе кое в чем признаться... То, что

я тебе скажу, это правда... Ты не подумай, что я это делаю, чтобы ты изменил свое решение...

- Это было не мое решение, - сухо вставил Борис.

- Конечно, это я дура... Но...

- Но, - подтолкнул ее к продолжению мужчина. Не сдержался и чмокнул в макушку. Сжатая пружина внутри Милки раскрутилась, признание легко сорвалось с губ:

- Боря, я тебя очень люблю. Прости меня, Боречка.

Он не забросал ее ответными признаниями. Он ни без труда выудил из ее кулачка, прижатого к его груди, собственный носовой платок и... вытер собственные слезы.

- Борь, я тебе обещаю – теперь у нас все будет по-другому. За эти несколько часов я успела повзрослеть и понять, как мне без тебя невыносимо.

- Ты бы только знала, как мне без тебя... невыносимо...

Январь 2020г.